

СЕРБСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КЛУБ О ВЫСЕЛЕНИИ ЧАСТИ АЛБАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ИЗ ЮГОСЛАВИИ (1937-1938 гг.)

Сербский культурный клуб оформился на политической арене во второй половине тридцатых годов XX в., когда среди определенных кругов сербских интеллектуалов начало вызревать убеждение, что государственная власть не в состоянии обеспечить и защитить интересы сербского народа в Королевстве Югославия. Основание клуба было результатом стремления защитить сербские национальные интересы, осуществить сербскую культурную интеграцию, придав ей импульс духовного сближения. Авторитет клуба при этом заключался в том, что его членами являлась большая часть сербской интеллектуальной, политической и экономической элиты¹.

Из семидесяти основателей, которые собрались в середине декабря 1936 г. в Белграде на подготовительное организационное собрание организации, двадцать три являлись преподавателями и научными сотрудниками Белградского и других университетов. Пятеро основоположников поочередно занимали пост ректора Белградского университета в межвоенный период². Шестеро в то время входили в верхний эшелон государственного аппарата³. Восемь основателей Клуба находились на ведущих позициях в промышленных и банковских ассоциациях. Среди основателей были и некоторые самые высокие представители судебных инстанций⁴. В Королевстве Югославия военнослужащие не могли участвовать в политической жизни, однако на заседаниях клуба присутствовали и они. В частности, основателями Клуба были генералы в отставке Живко Павлович и Любомир Покорни. Кроме того, в число его основоположников также входили известные деятели культуры, архитекторы, инженеры, медики, адвокаты и торговцы⁵.

Основатели Сербского культурного клуба принадлежали к самым различным политическим течениям (демократы, республиканцы, унитаристы, федералисты), но общим для них было неприятие политики правительства Югославского радикального объединения Милана Стоядиновича. Среди них были и

члены организации свободных каменщиков⁶ Клуб объединял в своих рядах англофилов и франкофилов, сторонников сотрудничества с традиционными военными союзниками⁷. Он и основан был по примеру аналогичных обществ в странах западной демократии, поэтому отход югославского государства от сотрудничества с традиционными союзниками по Первой мировой войне ставил эту организацию в ряды оппозиционных правящему режиму. Весной 1940 г. член СКК Драган Миличевич начал издавать журнал *Британия*, выходивший раз в 2 недели. Основной целью подобного шага было стремление *внести вклад в югославно-британское сближение*⁸.

В Клуб через некоторое время вступили, наряду с другими, президент Сербской королевской академии наук Александр Белич и архимандрит Юстин Попович. Помимо этого, сразу же после открытия члены Клуба начали и специальную работу с академической молодёжью. Для этого была организована специальная Молодёжная секция СКК, члены которой воспринимали себя наследниками Объединенной молодёжи Сербии и Млада Босны⁹. Хотя Сербский культурный клуб составляли преимущественно либерально и прозападно ориентированные личности, в историографии бытует мнение, что он являлся экстремистским сербским национальным крылом на политической сцене Королевства Югославии¹⁰.

Основная политическая борьба Сербского культурного клуба велась в отношении федеративного переустройства Королевства Югославии в связи с созданием Бановины Хорватии по соглашению от 26 августа 1939 г. Принцип «племенного или этнического размежевания» сербского федеративного субъекта в Королевстве на примере с хорватами, и соответственно, проблема решения сербского вопроса, с этого момента объединили практически все интеллектуальные силы этой организации.¹¹

Одним из направлений политической деятельности Клуба стали идеи о выселении представителей албанского национального меньшинства («арнаутов») в Турцию, выдвинутые несколькими его членами. На возможность возникновения и претворения в жизнь этих идей влияла и тогдашняя внешнеполитическая деятельность Югославского государства.

В частности, подписанием «Договора о дружбе, ненападении, о судебных расследованиях и арбитраже между Югославией и Турцией» в Белграде 27 ноября 1933 г.¹² и «Пакта балканского соглашения между Югославией, Грецией, Румынией и Турцией» в Афинах 9 февраля 1934 г.¹³ были созданы условия, позволившие начать переговоры правительства Милана Стоядиновича с правительством Мустафы Кемаль-паши Ататюрка по вопросу о переселении 40.000

мусульманских семей (около 200.000 человек) из так называемой «Южной Сербии»¹⁴ в Турцию. Однако в определенных кругах существовали сомнения, что цель югославского правительства заключалась в том, чтобы использовать это соглашение для переселения части албанского населения с территории Косово и Метохии и из Македонии. Уже в августе 1935 г. албанский посол в Лондоне попросил оказать помощь албанской общине в Косово, у которой, по его словам, систематически отнимают землю и принуждают к эмиграции в Турцию. Последнее обвинение категорически отвергалось югославским министерством иностранных дел.¹⁵ Английский посол в Белграде, ссылаясь на албанские источники, сообщал, что в течение 1936 г. проходили переговоры югославских эмиссаров с албанским правительством, чтобы оно официально рассмотрело возможность принять около 40-50 тысяч албанских переселенцев из Косово. В то же время югославское правительство утверждало, что инициатива о переговорах исходила от албанского правительства, которое узнало о переговорах с Турцией. Английский посол приводил также мнение турецкого посланника, что численность турок на юге Сербии составляет примерно 200 000 человек.¹⁶

После длительного перерыва, на заседании Совета Балканского соглашения (26-27 февраля 1938 г.) в Анкаре по инициативе Турции было решено, что в Царьграде состоится конференция представителей обоих государств по вопросу о переселении турок из Югославии. Конференция началась 8 июня, а соглашение о переселении турок было парафировано в июле 1938 г.¹⁷ Оно предусматривало, что переселение первых 4.000 семей начнется 1 июня 1939 г. и завершится до конца 1944 г. Это соглашение так и не было подписано из-за того, что стороны не смогли достичь согласия по вопросу о компенсации, которую переселенцам должно было выплатить югославское правительство¹⁸.

Именно в тот период, когда шли переговоры с Турцией, в Сербском культурном клубе были заслушаны доклады о проблеме национальных меньшинств в «Южной Сербии». На заседаниях Клуба были представлены в общей сложности 32 публичные лекции, из которых 14 были посвящены ситуации в различных сербских краях. Четыре доклада касались проблем национальных меньшинств в «Южной Сербии»¹⁹. Из вышесказанного можно заключить, что проблема национальных меньшинств в «Южной Сербии» была лишь частью тем, касающихся идей национальной гомогенизации сербских областей, которыми занимались члены Клуба.

Первой была лекция на тему «Проблема внутренней колонизации в Южной Сербии» Васы Чубриловича, доцента Белградского университета и секретаря Клуба, состоявшаяся 7 февраля 1937 г.²⁰ Ровно через месяц Чубрилович

прочитал в Клубе доклад под названием «Переселение албанцев»²¹. Доктор Джоко Перин 16 июня 1937 г. представил лекцию на тему «Национальная гомогенизация Воеводины и Южной Сербии»²², а доклад инженера Орестия Крстича «Борьба за землю в Южной Сербии» был прочитан 4 апреля 1938 г.²³ Несомненно, что стимулом для начала обсуждения этих тем стали лишь отчасти достоверные сведения о содержании переговоров югославской стороны и Турции, которые стали известны членам Клуба²⁴.

Основные идеи Сербского культурного клуба, касающиеся проблемы, которую мы рассматриваем, были сформулированы в докладе доктора Васы Чубриловича «Переселение Албанцев».²⁵ В. Чубрилович заявил, что с военно-стратегической точки зрения, албанский узел в Югославии имеет очень большое значение. Он является главным перекрестием балканских рек в направлении Адриатического, Эгейского и Черного морей, обладание которыми предопределяет, в значительной мере, будущее Центральных Балкан, в особенности судьбу главной балканской коммуникации – Морава-Вардар. Опора албанских элементов на «родственное национальное государство», которое не будучи «мощным», превратилось в опору и «базу итальянского империализма» для его проникновения в «сердце» Югославии, представляет особую угрозу для безопасности страны, надежно обеспечить которую можно только переселением «властных элементов»²⁶. Доклад основывался на критике предпринимаемых до сего времени «медлительных и робких методов постепенной колонизации» либерального государства, которые не успевают за естественным приростом албанского населения»²⁷.

Примеры проведения политики переселения они находили в конвенциях, которые Турция заключила с Грецией, Румынией и Болгарией в период массового переселения мусульманского и христианского населения на Балканах²⁸. Сам дух времени соответствовал подобным рассуждениям. Это было время, когда «Германия насильственно выселяла десятки тысяч евреев», а Россия (СССР) «перебрасывала миллионы с одного континента на другой», поэтому, по их мнению, не стоило опасаться крупных международных осложнений по поводу выселения «какой-то сотни тысяч албанцев». «Италия, которая могла бы создать больше всего препятствий», – по мнению В. Чубриловича, – «будет занята своими проблемами в Абиссинии, как и Австрия, которая не пойдет слишком далеко в своем противодействии». Наибольшая опасность для данного проекта исходила, по его мнению, от вмешательства недавних союзников – Франции и Великобритании. Что касается союзников, Чубрилович считал, что необходимо

обратить их внимание на то, что в их интересах «обеспечить безопасность Моравско-Вардарской линии обороны»²⁹.

В своем докладе доктор Васа Чубрилович особое внимание уделил методам, которые следовало применять для того, чтобы выселение было успешно осуществлено.

Он считал, что эффективным может быть только «массовое» выселение албанцев, главным условием для чего является «создание обстановки психоза».

Для того чтобы этого достичь, по его мнению, необходимо привлечь на свою сторону или подкупом, или угрозами албанское мусульманское «духовенство и влиятельных людей». Кроме того, необходимо было найти агитаторов, которые бы пропагандировали идею переселения. Эти агитаторы должны были расписывать прелести новых краёв и лёгкую и прекрасную жизнь в Турции, разжигать религиозный фанатизм среди албанцев и пробуждать среди них гордость за турецкое государство. Югославская печать должна была описывать «ничем не омраченное» переселение турок из Добруджи и их размещение на новой родине, тем самым создавая среди албанцев благоприятное впечатление о необходимости исхода³⁰.

В качестве другого стимулирующего средства В. Чубрилович предусматривал «давление государственного аппарата», который должен был «максимально использовать закон» для того, чтобы как можно сильнее «осложнить положение албанцев» на территории Югославии. Под этим автор подразумевал штрафы, аресты, немилосердное применение полицейских предписаний, наказания за контрабанду, рубку леса, выгул собак и т.д. Экономическое давление оказывалось бы путем непризнания ранее заключенных земельных сделок, прекращения работ по составлению земельного кадастра, немилосердного завышения налогов и всех государственных и частных долгов, отнятия государственных выпасов, прекращения концессионных соглашений, разрешений на кофейни, торговые и ремесленные предприятия, отнятия лицензий, увольнение с государственной, частной и муниципальной службы. Санитарные меры также, по мнению В. Чубриловича, можно было использовать как меры давления. Они предусматривали предельный контроль над отправлением всех правил в отношении жилищ, в частности разрушение заборов и плетней возле домов, строгое применение ветеринарных мер, которые бы препятствовали перегону скота на рынок и т.д. Поскольку албанское население было особенно чувствительно к религиозным вопросам, то, по мнению В. Чубриловича, именно в этом вопросе его нужно было «особенно ущемить». Этого можно было добиться причинением неприятностей духовенству, осквернением кладбищ, запрещением много-

женства и, особенно, суровым применением закона о том, что дети женского пола должны посещать начальную школу, где бы они ни находились.

Для осуществления подобных замыслов необходимо было опираться и на частную инициативу, что при необходимости предполагало снабжение оружием сербских колонистов. В районах, населенных албанцами, необходимо было бы инициировать «старое четническое движение» и тайно оказывать содействие в реализации его задач. Особенно важно было бы инспирировать волну переселения черногорцев с горных районов, чтобы вызвать массовые столкновения с албанцами в Метохии. Эти столкновения должны бы были являться подготовленными и массовыми. По мнению ученого, проще всего это можно было организовать в том случае, если бы «албанцы действительно подняли голову». Эти столкновения необходимо было представить как конфликт общин и племен и в случае необходимости придать ему экономический характер. Предлагалось в случае крайней необходимости спровоцировать и локальные волнения, которые подавлялись бы кроваво и не столько армией, сколько колонистами, черногорскими племенами и четниками. К этому можно было бы дополнить и ещё одно средство – тайные поджоги сел и «албанских» кварталов в городах³¹.

Подобные методы необходимо было, по мнению В. Чубриловича, использовать, в первую очередь, в пограничных районах (печском, джаковицком, подримском, горском, подгорском, шарпланинском, источком, севернее от Шарпланины, в горнодеборском и в обоих Пологах южнее от Шарпланины). В других районах (качанинском и лабском) меры должны быть менее решительными. Васа Чубрилович также выступал за первоначальное выселение жителей сельских поселений, а только потом городов, поскольку первые «более стабильны и тем самым более опасны». Первоочередное внимание требовалось обращать на средние слои и богатых людей, а не только на бедноту, поскольку она «без опоры на экономически независимых своих соплеменников быстро пропадет». В процессе формирования обстановки психоза необходимо создать такую атмосферу, чтобы тронулись целые села или, по меньшей мере, целые семьи. В связи с этим необходимо было бы воспрепятствовать и приобретению собственности выселенных албанцев их соплеменниками, которые останутся в Югославии, чего можно было бы добиться увязыванием этого вопроса с предоставлением льгот на переселение как для отдельных лиц, так и для целых сел.

При согласии на переселение нужно было бы пойти навстречу албанцам во всех вопросах. Необходимо упростить решение административных вопросов, быстро компенсировать продажу собственности, выдавать дорожные докумен-

ты без каких-либо формальностей, оказать помощь в доставке к железнодорожным станциям, предоставлять им поезда для проезда в Салоники, откуда они бы перевозились на судах в Азию. Важно, чтобы отъезд был легок, удобен и дешев. В связи с этим необходимо было бы обеспечить полностью бесплатный железнодорожный транспорт и помощь продовольствием, в результате чего выселение приняло бы массовый характер и создалась бы «переселенческая албанская река», которая бы освободила «наш юг от албанцев»³².

В связи с тем, что основные причины выселения албанцев, с точки зрения членов Клуба, были именно стратегическими, ожидалось, что в этой политике будут заинтересованы и военные власти. В связи с этим член Клуба, генерал в отставке Любомир Покорни, представил 16 мая 1938 г. высшему военному руководству письменный доклад под названием «Проблема народностей в Южной Сербии»,³³ к которому в качестве приложений были добавлены тексты выступлений доктора Васы Чубриловича «Выселение албанцев»,³⁴ инженера Орестиа Крстича «Борьба за землю в Южной Сербии»,³⁵ Джорджа Перина «Национальная гомогенизация Воеводины и Южной Сербии»,³⁶ Йовашевича «Железнодорожное сообщение как главная проблема Санджака и Черногории»,³⁷ письменный доклад д-ра Боривоя Паньевича, секретаря управления государственной статистики, под названием «Национальные меньшинства в Королевстве Югославии (с особым акцентом на албанское население)»,³⁸ и реферат «О необходимости интенсивного проведения свободной колонизации в Южной Сербии» Союза аграрных союзов в Скопье³⁹. Принимая во внимание все обозначенные проблемы, Покорни указывал, что «все мобилизационные мероприятия, концентрация войск и транспортные передвижения нашей армии» будут «с первой минуты мобилизации или военной опасности поставлены под угрозу, т.к. четническими (партизанскими – прим. автора) действиями албанских отрядов могут быть отрезаны их коммуникации. Тем самым часть Южной Сербии в течении Вардара может оказаться полностью отрезанной от районов северной Сербии в течении Моравы»⁴⁰. В таком случае, по мнению генерала Покорного, «военное руководство было бы вынуждено моментально, с первого дня мобилизации или может быть ещё до её начала, усилить военную группировку в Южной Сербии», в результате чего были бы ослаблены «оперативные силы на главном направлении военных действий, что было бы на руку неприятелю»⁴¹.

В качестве главного неприятеля рассматривалась Италия, которая, по мнению Л. Покорного, одержала первую победу на Балканах «в тот день, когда в результате договора привязала к себе Албанию (1926 г.). А следующую победу одержит, «если мы и дальше будем так же вяло действовать в сфере ослабления

албанских элементов, как мы действовали до сих пор. Если мы продолжим подобную политику, то дождемся войны»⁴². В донесении генерала Любомира Покорного, которое представляло собой сведенное воедино содержание всех указанных текстов, отмечалась важная роль армии, в особенности в делах, связанных с предлагаемой политикой колонизации. Роль заключалась в том, чтобы эти вопросы находились в компетенции военного министра и начальника генерального штаба, поскольку гражданские власти обнаружили свою коррумпированность и неэффективность. Об участии армии в репрессивных мерах, на чем настаивал В. Чубрилович, не упоминалось. Возможно, тем самым члены Клуба пытались заручиться поддержкой своей идеи со стороны военных властей.

В момент представления этой записки во главе Министерства сухопутных и военно-морских сил находился генерал Любомир Мариич,⁴³ а на посту начальника генерального штаба – генерал Милутин Недич⁴⁴. Оба высших офицера находились на должности министров сухопутной армии и военно-морских сил в кабинете Милана Стоядиновича, а позднее, 25 августа 1938 г. Недич сменил Мариича на посту министра. Всё это говорит о том, что речь шла о доверенных людях М. Стоядиновича. На записке, которая хранится в архиве Военно-исторического института, отсутствует печать, заверяющая, что она была доставлена официальным путем через службу делопроизводства, зато на ней имеется рукописная пометка «секретно». Всё это свидетельствует о том, что в оперативном использовании записки официальные политические круги не были заинтересованы. Эта записка могла бы быть использована и службами безопасности для раскрытия деятельности Клуба.

Правительство Милана Стоядиновича не смогло подписать договор с правительством Мустафы Кемаль-паши Ататюрка о переселении мусульманского населения в Анатолию и Царьград, а все идеи Сербского культурного клуба, связанные с этим вопросом, остались только на уровне размышлений. В своих мемуарах М. Стоядинович при описании дипломатических контактов с турецкой стороной никак не упоминает разговоры о возможном выселении албанского населения⁴⁵. Выселение в тот момент могло бы нарушить и отношения с Италией, о которых особенно заботился М. Стоядинович, а ухудшение этих отношений было бы только на пользу Франции и Великобритании⁴⁶. В тех же самых мемуарах автор не упоминает практически ни одного из членов Клуба, а если и ссылается, то мимоходом. Этот факт может служить и иллюстрацией того, какое влияние имели его члены на государственную политику во время переговоров о переселении мусульманского населения. Их идеи о выселении части албанского национального меньшинства, выраженные в публичных вы-

ступлениях, никогда не были, а судя по отношению Милана Стоядиновича и членов Клуба, никогда и не могли быть использованы на практике организационными средствами государственного аппарата. Несколькими годами позднее жертвой подобных планов национальной перегруппировки стал и сам сербский народ, в частности колонизованное население на территории Косово и Метохии, Македонии, Воеводины и так называемого Независимого государства Хорватии.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что идеи о выселении части албанского населения из «Южной Сербии» среди членов Сербского культурного клуба появляются в период интенсивных переговоров правительства Милана Стоядиновича с Турцией по вопросу выселения 40.000 мусульманских семей. Некоторые данные об этих переговорах были известны членам Клуба и представляли собой стимул для начала обсуждений. Идеи о выселении, которых придерживался Клуб, нашли свое выражение в выступлении д-ра Васы Чубриловича, и, хотя большинство членов Клуба были англо- и франкофилами, размышления основывались на опыте авторитарных режимов того времени (Германии и СССР) и балканских государств (Греция, Румыния, Болгария и Турция). Причиной появления этих идей были геостратегические соображения, страх итальянской экспансии, которая могла бы использовать албанское меньшинство против Югославии в случае войны. С идеями о выселении и проведении политики колонизации они были ознакомлены неофициальным путем через генерала в отставке Любомира Покорного, представителя военных кругов. В настоящий момент, учитывая состояние архивного фонда, трудно прийти к конкретным и окончательным выводам, но косвенные свидетельства указывают на то, что ни официальные власти, представленные Миланом Стоядиновичем, ни Сербский культурный клуб, не рассматривали его идеи серьезно. В сложной внешнеполитической ситуации, в которой находилась Югославия, подобные действия, как считал М. Стоядинович, могли поставить под вопрос и стабильность страны, и, что чрезвычайно важно, хорошие отношения с Италией. С другой стороны, ухудшение этих отношений было в тот момент в интересах Великобритании и Франции. Программа выселения мусульман не была реализована из-за невозможности достичь приемлемого соглашения с Турцией. С окончанием этого дипломатического эпизода энергия деятелей Клуба была направлена на проблему сербско-хорватских отношений. С созданием Бановины Хорватии и федеральным переустройством Югославии актуализировался сербский вопрос. В итоге можно говорить о том, что с 1939 г. идеи, связанные с выселением «албанцев», больше не занимали какого-либо значительного места в дея-

тельности Клуба. Сербско-хорватские отношения и рассуждения об устройстве будущей сербской федеральной части стали теперь главным фронтом деятельности Сербского культурного клуба.

Перевод Ю.С. Кирьякова и Е.Г. Волковой

¹ Димић Љ. Културна политика Краљевине Југославије 1918-1941, I, Београд 1996, 506-561.

² Слободан Йованович, Павле Попович, Владимир Джорович, Драгослав Йованович и Петар Мичич.

³ В должности заместителей министра и полномочных министров были Лујо Бакотич, Ристо Ђоич, Милан Милојевич, Любомир Михайлович, Спасоје Пилетич и Михайло Константинович.

⁴ Председатель Кассационного суда Русомир Јанкович, председатель Апелляционного суда Милан Ђовичич, а также председатель Окружног суда г. Београда Миодраг Филипович.

⁵ Поповић Н. А. Слободан Јовановић и југословенска држава, Београд 2003, С.212-213; Полный список основателей СКК смотри: Димић Љ., указ соч. С.519-520.

⁶ Из 70 основателей клуба 29 принадлежали к различным югославским масонским ложам. (Поповић Н. А. Указ. соч., С.212-213).

⁷ В Великобритании и Франции училось в юности большинство членов Клуба.

⁸ В этом журнале публиковали статьи и другие члены Клуба – Владимир Чорович, Милан Милојевич и тд. (Поповић Н. А. Указ. соч., С. 225).

⁹ Там же.

¹⁰ Петрановић Б. Србија у Другом светском рату 1939-1945, Београд, 1992. С. 31.

¹¹ Димић Љ. Указ. соч. С.524-542.

¹² Текст соглашения см.: Балкански уговорни односи 1876 – 1996, II (1919 – 1945), Београд, 1998, (приредио Момир Стојковић), С.79 – 386.

¹³ Текст соглашения см.: Балкански уговорни односи 1876 – 1996, II (1919 – 1945), С.387 – 388.

¹⁴ Под Южной Сербией понимаются области Новопазарского Санжака, Косово и Метохии и югославской части Македонии.

¹⁵ Отрывок из отчёта британского посланика за 1935 г. о международном положении Королевства Югославии (См.: Британци о Краљевини Југославији, годишњи извештаји Британског посланства у Београду 1921-1938, (приредио Живко Аврамовски), II (1931-1938), Београд, Загреб, 1986. С. 314 – 315.)

¹⁶ Отрывок из отчёта британского посланика за 1936 г. о международном положении Королевства Югославии (Там же, С. 414 – 416.)

¹⁷ Комментарий к замечаниям Миладина Милошевича по поводу содержания текста соглашения, См.: Андрић А. Дипломатски списи, Београд 1992, 339 (Балкански уговорни односи 1876 – 1996, II, С. 417.)

¹⁸ Отрывок из отчёта британского посланика за 1936 г. о международном положении Королевства Югославии (Британци, II, 651). Текст соглашения см.: Балкански уговорни односи 1876 – 1996, II том, С.416 – 417.

¹⁹ Об этом см.: Димић Љ. Указ. соч., С.516 – 517.

²⁰ Димић Љ. Указ. соч., С. 517.

²¹ Архив Војноисторијског института, Фонд 17 (архив армии Королевства Югославии), коробка 69, папка 4, регистрационный номер 2 (далее : АВИИ, Ф.17, К.69, п.4, р.н.2); Димић Љ. Указ. соч., С.544.

²² АВИИ, Ф.17, К.69, п.4, р.н.4 ; Димић Љ. Указ. соч., С. 517.

²³ Там же, р.н.3 ; Димић Љ. Указ. соч., С. 517.

²⁴ В своём выступлении Васо Чубрилович заявил: «Турция, **как известно**, готова в качестве первого шага принять около 200.000 наших переселенцев **при условии**, что они будут албпнцами» (выделено автором). См.: АВИИ, Ф.17, К.69, п.4, р.н.2, л. 7, Васо Чубриловић, Исељаване Арнаута.

²⁵ Васо Чубрилович был одним из участников Сараевского покушения, в связи с чем, как несовершеннолетний, был осужден на 16 лет заключения. Закончил Философский факультет в Белграде, где в студенческие годы активно участвовал в деятельности организации «Югославская революционная молодежь». С 1929 г. Был профессором Философского факультета по кафедре истории. Докторскую диссертацию защитил по теме боснийско-герцеговинского восстания. Был членом Совета земледельцев с его основания. Широкая общественность узнала о Чубриловиче после основания Сербского культурного клуба, чьим секретарем он был. Был членом масонской организации. В период Второй мировой войны находился в заключении в нацистском лагере Баньници в Белграде. После войны был министром сельского и лесного хозяйства вплоть до 1951 г., а также оставался профессором Философского факультета.

²⁶ АВИИ, Ф.17, К.69, п.4, р.н.2, л. 5-6.

²⁷ Там же, л. 3; Около 80% земли, предназначенной для колонизации, принадлежало государству (необработанная земля низкого качества, выгоны и пастбища) , в то время как остальная выкупалась в соответствии с законом об аграрной реформе, что в равной мере наносило ущерб всем землевладельцам, не

взирая на из религиозну и националну принадлежност. (См.: О. Крстић, Борба за земљу у Јужној Србији, Там же, р.н. 3, л. 4.);

С 1921 по 1931 гг. В райони с албанским большинством на юге было переселено в целом около 39.000 человек, что с естественным приростом населения увеличило численность сербского 57.000, в то время как только естественный прирост населения в албанском меньшинстве оценивается в 60.000 человек. (Боривоје Пањевац, Мањине у Краљевини Југославији (с нарочитим освртом на арнаутски живаљ), Там же, р.н. 6, л. 5.)

²⁸ Там же, р.н.2, л. 7.

²⁹ Там же, л. 8.

³⁰ Там же, л. 8 – 9.

³¹ Там же, л. 9; См. также: Димић Љ. Указ. соч., С.546-547.

³² Там же, л. 10-11

³³ Там же, р.н.1

³⁴ Там же, р.н.2

³⁵ Там же, р.н.3

³⁶ Там же, р.н.4

³⁷ Там же, р.н.5

³⁸ Там же, р.н.6

³⁹ Там же, р.н.7

⁴⁰ Там же, р.н.1, л. 6.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, К.1,п. 1, р.н 46/1 (Биографије министров сухопутной армии и военно-морских сил; Любомир М.Марич)

⁴⁴ Там же, р.н 47/1 (Биографије министров сухопутной армии и военно-морских сил; Милутин Дж. Недич)

⁴⁵ Стојадиновић М. Ни рат ни пакт, Ријека, 1970. С. 378 – 403.

⁴⁶ Об этом см.: Аврамовски Ж., Проблем албаније у југословенско-италијанском споразуму од 25.ИИ 1937. // Хисторијски гласник, 1, Загреб 1963; Кризман Б. Италија у политици краља Александра и кнеза Павла (1918 – 1941) // Часопис за савремену повјест, 1, Загреб 1975;

Митровић А. Југославија, албанско питање и Италија 1919 – 1939. // Зборник САНУ, Срби и Албанци у ХХ веку, Београд 1991; Борозан Ђ. Велика Албанија, поријекло – идеје- пракса, Београд, 1995, С. 143 –164; Винавер В. Југославија и Француска између два рата (Да ли је Југославија била француски „сателит“). Београд, 1985.